

Игорь Михайлов

— писатель, журналист, главный редактор журнала «Вторник». В 1989 окончил филологический факультет МГПИ имени Ленина. Работал журналистом в местной газете «Современник», в подмосковной газете «Домашнее чтение», в «Московской правде». С 2004 по 2008 в журнале «Литературная учеба». С 2008 по 2019 — заместителем главного редактора журнала «Юность». С 2019 — главный редактор журнала «Вторник».

БУНИН И ПРИШВИН

Наверное, не было в русской литературе столь непохожих друг на друга писателей, судьбы которых почти зеркально в некоторых фрагментах вдруг отобразились...

Пришвин и Бунин.

Не очень давно шевельнулось во мне особое чувство перехода от поэзии к жизни, как будто долго-долго я шел по берегу реки, и на моем берегу была поэзия, а на том — жизнь. Так я дошел до мостика, незаметно перебрался на ту сторону, и оказалось, что сущность жизни есть тоже поэзия...

Так писал и так жил, как писал, Михаил Михайлович Пришвин.

Пришвин растворился в своих книгах без остатка.

Проза Пришвина цвето-музыкальна, по большому счету весь Пришвин сплошная светопись, кладовая солнца, повзрослевший Курымушка, но так и не ставший взрослым.

Михаил Пришвин и Иван Бунин — два, казалось бы, антипода, Пришвин из купеческой среды, Бунин — из дворянской. Но у одного и у другого много сходных не только жизненных переплетений, биографических совпадений, но главное — поэтичность стиля. Особенная, почти женская, пластика слова, гибкость, лиричность, легкое дыхание.

Начало биографии — почти настораживающе одинаковое.

У Бунина в самом раннем детстве драма с отцом, промотавшим наследство, пришевская драма почти зеркально отбрасывает тень на последующие годы борьбы с жизненными обстоятельствами.

У обоих в самом начале биографии был Елец.

Елец своей весьма долгой и весьма запутанной историей, как нельзя кстати, пришелся Бунину. Хотя он прожил в Ельце всего пять лет, зато за это время сменил четыре адреса: дом мещанина Бякина на Торговой улице, квартира ваятеля кладбищенских памятников Студенников, и еще две квартироръемщицы дали приют Бунину. Один из них на улице Рождественской, венчаемой Вознесенским храмом.

И тут же, почти в это же самое время — Пришвин. Его выгоняют за наглое и даже вызывающее поведение из Елецкой классической гимназии. Учитель по прозвищу Козел оказался в последствии Василием Розановым.

И Бунин не заканчивает именно ту же гимназию, из которой выгоняют Пришвина.

Хулиган Пришвин — наш учитель жизни.

И Бунин — несомненное начало ее.

Кстати, Розанов и Пришвин впоследствии встречались, вспоминали этот эпизод, с годами обраставший все большими подробностями и значением. Розанов благословлял Пришвина: «подальше от издательств».

И Пришвин ушел от революции, издательств, ушел в лес, как в литературу, или наоборот. Недаром кон-

курент его в прозе Соколов-Микитов как-то саркастически выразился: «Пришвин <...> на своем эгоизме, со своей эгоистической философией отдавал сердце лишь себе самому и “своим книгам”, питаюсь, впрочем, “соками”, <...> был красив, но вряд ли храбр... как городской барин и интеллигент».

Барина и интеллигента издавали. Официальный, детский писатель Пришвин на грузовике со своим сыном и прислугой ездил по городам и весям, встречал рассвет и закаты в лесу, живописал словом. А другой, потаенный Пришвин, вел дневник:

Всем научились пользоваться люди, только не свободой. Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью гораздо легче, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать...

Свою подлинную летопись Пришвин реализовал и в фотографии. В Сергиевом Посаде, где, кстати, до сих пор нет музея Пришвина, в краеведческом музее хранится его фотоархив. Пришвин снимал разгром большевиками Лавры. А в дневнике отпевал ее:

На колокольне идет работа по снятию Карнаухова, очень плохо он поддается, качается, рвет канаты, два домкрата смял <...> сбросили Карнаухова. Как по-разному умирали колокола. Большой, Царь, как большой доверился людям в том, что они ему ничего худого не сделают, дался опуститься на рельсы и с огромной

скоростью покатился. Потом он зарылся головой глубоко в землю...

Как будто о человеке умирающем писал, о жизни, весь уклад и быт которой заменили на новый.

Между прочим, едва ли не дальше от своего читателя оказался и Бунин, которого читающая Россия к 20-му году практически не знала.

В самом деле: широкому кругу читателей он был мало заметен среди шумной толпы — как он с горечью выразился — «литературного базара» (Валентин Катаев. Трава забвения).

Бунин не принял новый жизненный уклад, не принял его и Пришвин. Бунин пишет «Окаянные дни»:

— Товарищи, давайте сделаем так от нынешнего дня, чтобы всякий выстрел говорил нам: «Одного буржуя, одного социалиста уже нет в живых!» Каждая пуля, выпущенная нами, должна лететь в толстое брюхо, она не должна пенить воду в бухте.

— Товарищи, берегите патроны пуще глаза. С одним глазом еще можно жить, но без патронов нельзя.

А пришвинские «окаянные дни» растворились в его «Дневнике».

Бунин уехал из России, словно бы законсервировав ее в своих книгах, написал изумительные очерки его хождений по Востоку «Тень птицы». Пришвин остался в России:

Вообще пора выбросить тревожные перспективы, пусть все само делается, а я буду смотреть и понимать «мир в себе»...

Пришвин растворился в природе, в природе живого слова.

Литература по Пришвину — капли, которые сияли, блистали, радовались жизни, но хватил мороз, и не достигли они «большого, как океан, мира человеческого творчества».

Слова и Бунина, и Пришвина, особенно те строки, которые посвящены любви, почти идентичны по своему лирическому накалу.

Пришвин скорее жил, как один из бунинских героев. Но оба пережили уход любимой в молодости, как драму. Даже имена их первых любовей совпадают: Варвара. У Бунина — Варвара Пащенко, у Пришвина — Варвара Измалкова.

Позднее Варвара, послужившая, как считал Пришвин, побудительной причиной его писательства, превратится в Валерию.

Его любовь к Валерии совершенно бунинская.

Я бы назвал строки «Дневника» писателя за 1940-й год, послужившего основанием для книги «Мы с тобой», — Песнь песней.

Эту книгу, книгу о любви, Пришвин не писал.

По форме она представляет собой диалог двух ее героев: писателя Михаила Пришвина и Валерии Дмитриевны Лебедевой (урожденной Лиорко), с которой Пришвин встретился в конце жизни и которая стала его женой:

Все происходит так, будто мы были на горной высоте и постепенно в течение месяца спускались в долину. И когда мы сошли в долину, где уже все цвело, ни малейших укоров совести у нас не было. Вокруг все было прекрасно, а прошлое — это снежные

вершины — они сияли над нами! И по всему было похоже, как они переходили от весны света к воде и потом неодетый лес одевался.

Неужели в любви моей к женщине всю жизнь была у меня одна только неодетая весна?

Но и бунинские строки о любви проникновенные, поэзия, напоенная любовью к женщине, почти все они взяты им из собственной жизни.

Женский образ в литературе — это почти всегда лики любви. Переменчивые, туманные. У каждого писателя свой идеал, свой образ. И только у Ивана Алексеевича женский образ особенный, словно достигший наивысшего накала или совершенства. Женщина Бунина не иступленная, как у Достоевского, Толстого, Куприна, Белого, а будто яркая вспышка. Мгновение, озарение, вдохновение, которое длится не больше выдоха.

«Легкое дыхание». Пожалуй, единственный в своем роде выдуманный типаж — образ Ольги Мещерской:

Затем она стала расцветать, развиваться не по дням, а по часам. В четырнадцать лет у нее, при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово; в пятнадцать она слыла уже красавицей...

Верный поклонник и продолжатель творчества Бунина Паустовский купился на этот «обман». Он так описал свое впечатление от Оли Мещерской: «О, если бы я знал! И если бы я мог! Я бы усыпал эту могилу всеми

цветами, какие только цветут на земле. Я уже любил эту девушку. Я содрогался от непоправимости ее судьбы. Я <...> наивно успокаивал себя тем, что Оля Мещерская — это бунинский вымысел, что только склонность к романтическому восприятию мира заставляет меня страдать из-за внезапной любви к погибшей девушке».

Женский образ у Бунина, словно бы женская головка, никогда не бывает дорисован до конца, он всегда немножечко не завершен. Это эскиз, не-

М.М. Пришвин

И.А. Бунин

договоренность, полутон. Вот и здесь портрет Оли Мещерской вряд ли полон. Бунин намекает, создает фон устами своей героини: кипящие смолой! — черные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, — понимаешь, длиннее обыкновенного! — маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная

икра, колена цвета раковины, покрытые плечи...

Ну и Пришвин никогда, даже в своих сокровенных дневниках не договаривает до конца. Такая вот целомудренная недоговоренность.

Бунин словно дает простор читательской фантазии, но в довольно жестких рамках своего идеала.

Бунинская любовь скоротечная, чувственная, несчастная, почти всегда драма или трагедия. Или история простая, банальная, роман почти уличный, случайный, но сколько приглушенного, такое ощущение, что Бунин умеет убавлять звук и свет эротизма:

Он невольно поддержал ее за талию, почувствовал запах пудры от ее щеки, увидел ее крупные колени под вечерним черным платьем, блеск черного глаза и полные в красной помаде губы...

Никаких имен, он, она:

Она стояла спиной к нему, вся голая, белая, крепкая, наклонившись над умывальником, моя шею и груди...

И уже через мгновение:

И как жену обнял и он ее, все ее прохладное тело, целуя еще влажную грудь, пахнущую туалетным мылом, глаза и губы, с которых она уже вытерла краску...

Для Пришвина любовь — словно предвечерний свет на закате, снизошедший с небес:

Любовь похожа на море, сверкающее цветами небесными. Счастлив, кто приходит на берег и, очарованный, согласует душу свою с величием

всего моря. Тогда границы души бедного человека расширяются до бесконечности, и бедный человек понимает тогда, что и смерти нет... Не видно «того» берега в море, и вовсе нет берегов у любви.

Но другой приходит к морю не с душой, а с кувшином и, зачерпнув, приносит из всего моря только кувшин, и вода в кувшине соленая и негодная.

— Любовь — это обман, — говорит такой человек и больше не возвращается к морю.

Но при всем своем эротизме ни Пришвин, ни Бунин никогда не опускаются до пошлости. Они всегда останавливаются там, где современная литература и кинематограф с радостным гиканьем преодолевают барьер. Вот отрывок из повести «Жизнь Арсеньева»:

Я вскочил, повернул ключ в дверях, ледяными руками опустил на окнах белые пузырьчатые занаве-

ски, — ветер качал за окнами черное весеннее дерево, на котором, как пьяный, мотался и тревожно орал грач...

Из лирических страниц Бунина и Пришвина можно составить книгу «Песнь песней русской эротической литературы». Сюда, конечно, вошел бы и бунинский «Солнечный удар»:

...и как только вошли, и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так иступленно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой.

Лики любви — знаки судьбы. Иван Бунин и Михаил Пришвин — два берега одного материка, два оклика одной судьбы. Похожей и разной.

Любовь и судьба. Сон и явь, солнечный призрак русской литературы, одаривший нас необыкновенной закатной красотой на своем исходе...

